

И.Е. Ким

Сибирский федеральный университет

Три способа моделирования социальных реалий в современном русском языке

Аннотация: Статья посвящена моделям социальной действительности в русском языке. Можно говорить о трех языковых моделях социальной действительности: 1) модель, представляющая социальные реалии как идеальные сущности, актуализированные в реальной действительности; эта модель реализуется в системе расчлененных наименований социальных объектов; 2) метафорическая модель, представляющая малопонятные социальные объекты как понятные объекты других семантических областей; 3) модель, приписывающая социальным объектам идеологические оценки и другие социальные коннотации.

The paper discusses the problem of the linguistic models of social reality. Russian language contains three models of social reality: 1) model, representing social objects as the ideal essence, representing in real life, this model is realized in the combined designation of social object, 2) the metaphorical model, representing social objects as objects of other semantic domains and 3) the model, assigning ideological evaluation and other social connotations to social objects.

Ключевые слова: социальная семантика, номинация, метафора, коннотация, социальный статус.

Social semantics, nomination, metaphor, connotation, social state.

УДК: 811.161.1: 81'37.

Контактная информация: Красноярск, пр. Свободный, 79. СФУ, кафедра русского языка. Тел. (391) 2497266. E-mail: kimkim@krasu.ru.

Отношения языка и социальной жизни имеют, по крайней мере, две стороны. Первая сторона достаточно хорошо изучена и даже институционализирована в виде науки, именуемой социолингвистикой. Эта сторона представляет собой взаимодействие языка и общества. Для социолингвистики важен аспект влияния общественных условий на функционирование языка. Освоенность таких понятий, как языковая ситуация, языковое состояние, экзистенциальная форма языка, сферы и среды общения, позволяет говорить о том, что социолингвистика как раздел языкознания давно оформилась. Более сложную картину представляет изучение влияния языка на общество, хотя и этот аспект взаимодействия общества и языка тоже изучается в социологии, культурной антропологии, лингвистической антропологии.

Изучение второй стороны, а именно моделирования общества языком, начинается в русистике в теоретическом аспекте с работ Л.П. Крысина [Крысин, 1988, 1989а, 1989б, 1997]. Л.П. Крысин, работая в рамках социолингвистики, выделил компонент значения большой группы слов, который можно описывать в терминах социолингвистики или даже социологии. Он обнаружил, что значение этих слов можно описать путем введения ограничений, причем ограничений социального характера, а именно через введение иерархической семы. Так, *хамить* и *зрубить*

не предполагают социальной иерархии субъекта и адресата, в то время как *дерзить* предполагает, что субъект речи заведомо ниже в социальной иерархии, чем адресат. Второй важный момент в семантике последнего глагола – то, что в ней присутствует элемент «обманутого ожидания»: в пресуппозиции данного глагола имеется информация о том, что такая форма поведения невозможна в отношении к старшему в иерархии, следовательно, действие, обозначаемое глаголом *дерзить*, получает отрицательную оценку. Обратная ситуация – иерархическое старшинство – отражается в семантике глагола *благоволить*: благоволить может только старший в социальной иерархии младшему, ср., например: *...Ни начальник УВД, ни прокурор области не хотят связываться с группой, которой благоволит как минимум замглавы администрации* (Щит и меч, 09.06.2005).

Развивая идею о включении иерархической семы в значение описываемых слов, Л.П. Крысин вводит понятие социосемантики, представляя ее как часть социолингвистики [Крысин, 1997].

Т.В. Шмелева [1988] показывает, что в синтаксической семантике социальные смыслы образуют две компактные области: событийные пропозиции как элемент диктума высказывания могут относиться к социальной сфере, с другой стороны, модус высказывания включает в себя социальный компонент, который в русском языке тяготеет к имплицитности.

В.И. Карасик ввел в описание социальной семантики понятие социального статуса. Он определяет социальный статус как «соотносительное положение человека в социальной системе, включающее права и обязанности и вытекающие отсюда взаимные ожидания поведения... Статус – это нормативная категория, и, следовательно, изучая статусные отношения, мы изучаем принципы общественного устройства, закодированные во всем богатстве нюансов естественного языка» [Карасик, 1992, с. 3].

Обсуждая семантические аспекты социального статуса, В.И. Карасик вводит категорию социального статуса, определяя ее как модусный признак неравноправия участников коммуникативной ситуации, относит ее к скрытым категориям. Категорию социального статуса человека характеризуют три конститутивных признака: статусный индекс, статусный вектор и статусная репрезентация. «Статусный индекс представляет собой самую общую характеристику статусно-маркированного общения, включая статусно-лабильное и статусно-фиксированное общение. Статусный индекс есть выделение говорящего и / или адресата в аспекте представительства (пол, возраст, профессия и т.д.). Статусный вектор является системообразующим признаком категории социального статуса человека и выражается в виде нисходящего и восходящего статусного вектора. Статусная репрезентация является уточняющей характеристикой статусного вектора, раскрывая признак восходящего вектора в двух вариантах: гоноративном (возвышение адресата) и гумилиативном (принижение говорящего)» [Карасик, 1992. С.3-4].

В исследовании В.И. Карасика используется преимущественно семасиологический подход: в исследовательской главе он анализирует статусный компонент лексического значения модальных и примыкающих к ним глаголов, статусное значение лица глагола, статусное значение оценочных слов, статусные аспекты стилистического разграничения лексики.

Таким образом, социальная семантика в начале своего пути была обращена к «социальной» составляющей значения слова или грамматической категории. При этом изучение социальной семантики шло по пути выявления скрытых смыслов, глубоко «спрятанных» в семантике слов и высказываний и выявляемых путем нетривиальных лингвистических процедур.

В 90-е годы актуальной для лингвистики стала проблема языка политики. Можно выделить два основных направления исследования: тоталитарный язык

[Купина, 1995; Романенко, 2000; 2003 и др.] и политическая метафора [Баранов, Казакевич, 1991; Баранов, Караулов, 1991, 1994; Чудинов, 2001 и др.].

Исследование тоталитарного языка является своеобразной данью лингвистов ушедшей социалистической эпохе. Социализм как идеократическая социальная система не позволял проводить объективные исследования любой своей подсистемы, включая язык. Только в периоды относительной демократизации речевая стихия становилась объектом исследования [Селищев, 1928; Русский язык и советское общество, 1968] (исключение составило изучение русской разговорной речи [Русская разговорная речь, 1973; 1978; 1979; 1981; 1983]), но объективное изучение идеологического содержания языка и речевой коммуникации советского периода в СССР было принципиально невозможно. Зато в постсоветскую эпоху исследования такого рода стали даже модными. Было обнаружено, что идеология пронизывает русский язык советской эпохи, сужая лексическое значение слов (*партия* воспринимается только как коммунистическая партия), ограничивая сочетаемость (если *соревнование*, то *социалистическое*), образуя систему регулярно воспроизводимых аброморфов (*парт-*, *полит-*), задавая одномерные семантические оппозиции с помощью отрицательно-оценочных приставок *контр-* и *анти-* [Купина, 1995, с. 15–23]. Другой феномен, вызвавший большой интерес исследователей, – речевое поведение в советской публичной коммуникации [Романенко, 2000; 2003].

Второе направление связано с наиболее заметным явлением в языке политики – **политической метафорой**, яркой, образной, представляющей довольно наглядную модель общества и ее политической жизни: политика посредством метафоры сближается то с медициной, то со спортом, то с войной, то с игрой, то со стихией. Когнитивный потенциал метафоры связан с интеракционистской моделью М. Блэка и А. Ричардса [Блэк, 1990; Ричардс, 1990]. Оба философа рассматривают метафору не как формальную операцию по замене сравнительной конструкции прямой или свернутой предикацией, а как взаимодействие (интеракцию) двух представлений: представления об обозначаемом явлении и представления о явлении, прямое наименование которого используется в качестве метафорического средства.

Сама метафорическая модель, по определению, является вторичной, она используется для навязывания необходимых образов и оценок читателям политических текстов, однако ее роль не сводится только к обману и манипуляции. Дело в том, что метафорическое наименование является заменой по необходимости более сложных аналитических обозначений реалий социальной действительности.

Это было выявлено при анализе властной коммуникации и описании языка власти [Власть в русской языковой и этнической картин мира, 2004].

Под властной коммуникацией в монографии понимается коммуникативное взаимодействие «Власть ↔ народ», которое может быть прямым, а может быть опосредованным средствами массовой информации. Прямая коммуникация оказывается очень затрудненной вследствие того, что власть и народ пользуются разными формами языка, которые были названы Р. Бартом энкратической (лояльной власти) и акратической (оппозиционной власти). В настоящее время наиболее близок энкратической форме языка официально-деловой функциональный стиль современного русского литературного языка, в то время как широко понимаемый разговорный язык, включающий просторечие, разговорный функциональный стиль современного русского литературного языка (русскую разговорную речь), территориальные и социальные диалекты, близок акратической форме языка. Эти экзистенциальные формы языка максимально противопоставлены друг другу, они образуют два полюса в системе форм существования языка. Все, что составляет суть акратического языка, находится под запретом в энкратическом языке и наоборот [Ким, 2004].

Таким образом, возникает проблема языка власти, то есть формы языка, облуживающей взаимодействие власти и народа. Собственно, язык СМИ с его разработанной метафорикой и есть один из претендентов на роль языка власти.

Следовательно, метафорические модели общества являются заменителями непосредственных языковых моделей социальной действительности, которые прямо обозначают социальные реалии.

Ответить на вопрос о том, как язык прямо моделирует социальную действительность, можно только используя ономастологический подход, то есть двигаясь от реалии к ее языковому выражению.

Для этого необходимо вкратце обсудить природу социальных явлений.

Социальные явления по своей природе коммуникативны. Всякое межчеловеческое взаимодействие представляет собой знаковую коммуникацию. Знаковость, заряженность смыслом действий человека по отношению к другому человеку поразному представлено в исследованиях Т. Парсонса, Э. Сепира, К. Леви-Строса, К.Г. Юнга, Л.С. Выготского, Р. Барта, Э. Ильенкова, Ю.М. Лотмана, М. Коула и С. Скрибнер, А. Шюца и др. Социальные объекты отличаются от явлений другой природы тем, что они всегда включают в себя знаковую составляющую, которая накладывается на «натуральное», «наблюдаемое» явление: процесс, состояние, предмет, лицо, свойство. Тем самым социальное явление приобретает двойственное существование. С одной стороны, в нем присутствует «натуральный», «физический», «наблюдаемый», «внешний» компонент, воспринимаемый как таковой органами чувств или приборами. С другой стороны, в социальном явлении обнаруживается означаемое знакового компонента, восприятие которого есть восприятие знака, то есть означаемого, не совпадающего с означаемым. Означаемое знакового компонента социального явления в восприятии накладывается на «натуральный» компонент, искажая его или вытесняя.

Рассмотрим, например, такое социальное действие, как пощечина. Ее физической составляющей является удар, который один человек наносит по щеке другого человека. Знаковая составляющая пощечины – осуждение неблаговидного поступка («Ты совершил подлость») и оскорбление, социальная сущность которого сводима к понижению социального статуса. Превалирование знаковой составляющей настолько велико, что интенсивность, сила пощечины не играет большой роли. Чтобы социальное действие «пощечина» состоялось, достаточно даже легкого шлепка ладонью по щеке. В этом отличие пощечины от удара, для которого параметр интенсивности существен.

Социальный смысл выражается человеком путем выполнения определенных действий, через стиль поведения, демонстрацию внешних свойств и атрибутов. Механизм восприятия социального знака – ожидание [Крысин, 1997], заложенное в восприятии, являющееся презумпцией, предвосхищением того или иного поведенческого акта или внешнего вида лица или сложного социального объекта. Профессиональные качества представителя власти или иного рода публичного деятеля оцениваются по его внешнему виду (росту, сложению, чертам лица, одежде) и по внешнему поведению (походке, манере публичной речи, мимике и жестике, участию в светской жизни). Таким образом, социальная знаковость связана с понятием имиджа, например, политического. Понятно, что это не все составляющие политического имиджа: многие политические или управляющие действия совершаются не как объектные, то есть приводящие к реальному результату, а как адресатные, знаковые, предназначенные для поддержания, улучшения или смены имиджа [Михальская, 1996; Осетрова, 2004].

Таким образом, наличие знакового компонента характеризует семантику любого слова, обозначающего социальные явления.

Одним из таких универсальных знаковых элементов семантики выступает статус [Карасик, 1992]. Статусы характеризуют любые явления социальной действительности: лиц, сложных социальных субъектов [Ким, 2010], события

(ср. выражение *статус мероприятия*), артефакты, пространственные объекты. Важным элементом значения слова *статус* является устойчивость, неподвижность: ср. в латыни *status*¹ ‘определенный, постоянный, неизменный’; *status*² ‘поза; позиция’.

Почему в социальной жизни так важны статусы?

Согласно философии жизни (Г. Риккерт, М.М. Бахтин и др.), действительность индивида (жизнь) представляет собой поток, в котором каждое мгновение, каждое текущее положение дел неповторимо, уникально, невоспроизводимо. Текущность, неустойчивость, изменчивость **индивидуальной жизни** не создавала бы для человека никаких сложностей. Однако его **социальная жизнь** включает в себя как обязательный компонент социальные взаимодействия. В разные моменты жизни индивид не равен, не тождествен сам себе, но во взаимодействии с другим индивидом он должен быть самотождествен и определен. Мерой социальной определенности и выступает статус. В системе общественных отношений каждый индивид характеризуется серией статусов, типизированных ролей, каждая из которых привязана к определенной сфере жизни и деятельности. Один и тот же человек может быть в разных ситуациях студентом, сыном, лидером неформальной группы, членом спортивной команды со специфической игровой функцией, участником дорожного движения и т.п. В социальном взаимодействии индивид в той или иной мере реализует свой статус, актуализирует его, в ходе социальной жизни приобретает его, подтверждает, повышает, понижает или теряет. Аналогично и сложный социальный объект, социальная ситуация представляют собой комбинацию фиксированных идеальных форм: статусов коллективов, организационных форм мероприятий, составов преступлений и т.п. Такой мир внеличностен, поскольку конкретная действительность жизни оказывается вторичной по отношению к идеальному миру форм-статусов.

Статусы и другие идеальные формы социальных явлений позволяют приравнять, усреднить, сделать дискретными разнородные и аморфные явления социальной жизни и тем самым объективировать их.

Наиболее удобным грамматическим классом для выражения идеальных форм, включая статусы, является имя существительное, которое и предназначено для обозначения дискретных объектов действительности. Такое существительное со значением сценария социального события в предложении становится семантическим предикатом, выражает процессную сторону события. А роль глагола в предложении часто сводится к актуализации, то есть выражению грамматических значений лица, числа, времени, модальности, а также к обозначению несущественных, не основных смыслов: фаз события, способа осуществления и т.п. *Убить* можно и таракана, *совершить убийство* можно только по отношению к социальному лицу или приравниваемому к нему субъекту социальных отношений. *Делать* что-то можно так, что никто не будет знать, для себя, а *вершить дела* можно только в масштабе общества, например: *А какие великие дела вершили наши отцы и деды, да и наши современники* (Красноярский железнодорожник. 23.11.2001). *Праздновать* можно и в одиночку, *провести празднование* можно только организовав коллективное мероприятие, ср. например: *PR-агентство «ИМА-консалтинг» организовало и провело празднование Масленицы в Таганском районе* (http://www.ima-consulting.ru/ru/news/events/1_206.html). С такого рода смещением в распределении грамматического предиката (сказуемого) и семантического предиката связано не только явление номинализации (*убить* → *убийство*; *праздновать* → *празднование*), но и наличие в русском языке слов со значением социального события, не имеющих мотиватора-глагола: *пощечина*, *революция*, *манифестация* (≠ *манифестировать*) и др.

Смещенная организация структуры высказывания характеризует именную строй предложения официально-делового стиля, той формы существования русского языка, которая специализирована на отражении социальной жизни общест-

ва. Особенности именного строя описаны О.А. Лаптевой: «В речевом потоке наличествует максимальная степень отдельности, дискретности, недиффузности синтаксических единиц, обеспечивающая максимум структурирования текста. При этом глаголы сведены лишь к необходимому формальному минимуму, создающему предикативную рамку, и стремятся к связочной или полужнаментальной роли, избегая обозначения конкретного действия. Вся информация передается именами (именной строй – характерная принадлежность книжно-письменной речи)» [Лаптева, 1997, с. 165–166].

Именной строй является частью более общего принципа наименования социальных реалий – расчлененности. В этом аспекте очень значима роль статуса.

Имя статуса, как уже было отмечено, обозначает не реальный социальный объект, а его идеальную форму, иницирующую у других членов общества определенного рода ожидания по отношению к данной реалии. Так, статус лица *повар* формирует ожидание, что это лицо должно готовить пищу, в то время как индивид, которому приписан статус, может испытывать отвращение к кулинарии. Такая идеальная форма позволяет обозначать и социальных субъектов (*повар Иванов, директор завода «РБЗ»*), и их качества (*опытный повар, толковый инженер*) [Ким, 2005].

Таким образом, язык представляет непосредственно протекающую социальную жизнь как воспроизводство, реализацию идеального мира, в котором все объекты, представляющие собой идеальные формы, уже существуют и описаны. Такая модель общества для рядового носителя языка, хорошо владеющего его разговорной разновидностью и почти не владеющего официально-деловым стилем, является слишком сложной, к тому же в повседневном общении эта модель и не нужна, поскольку повседневность имеет дело с более простыми моделями действительности. Поэтому в средствах массовой коммуникации используются метафорические модели социальных явлений, аналогически приравнивающие их к явлениям других сфер, более доступных для понимания (например: *предвыборная кампания* может называться *предвыборной гонкой*), а в самом разговорном языке используются модели сопричастности, связывающие социальные явления с участниками прагматической ситуации или с теми, кто им сопричастен (например, *глава администрации города Красноярска* может называться *наш мэр, нынешний мэр* или *ваш мэр*) [Ким, 2010].

И, наконец, идеологический компонент в языковых моделях социума содержится в лексических значениях в виде разного рода коннотаций, оценочного компонента значения, стилистических ограничений и т.п. В истории языка смена идеологии приводит к сужению или расширению значений слова, приобретению новых коннотаций, изменению сочетаемости слова.

Следовательно, в языке присутствуют более устойчивые и более гибкие модели социальной действительности. Наибольшей устойчивостью обладает система расчлененных наименований социальных реалий, отражающая знаковый характер последних. Более гибкими являются идеологизированные модели, связанные с семантикой слов. Их полная или частичная смена происходит при существенных изменениях в системе власти и политическом устройстве общества. И, наконец, метафорические модели, уподобляющие социальные явления реалиям других семантических сфер, могут создаваться и меняться от текста к тексту.

Литература

Баранов А.Н., Казакевич Е.Г. Советский политический язык (от ритуала к метафоре). М., 1991.

Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю. М., 1991.

- Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор. М., 1994.
- Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994.
- Блэк М. Метафора // Теория метафоры. М., 1990. С. 153–172.
- Власть в русской языковой и этнической картине мира / С.В. Ермаков, И.Е. Ким, Т.В. Михайлова, Е.В. Осетрова, В.Г. Суховольский. М., 2004.
- Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. М., 1982–1984. Т. 3. Проблемы развития психики / Под ред. А.М. Матюшкина. М., 1983.
- Ильенков Э.В. Проблема идеального // Вопросы философии. 1979. № 6. С. 128–140. № 7. С. 145–158.
- Карасик В.И. Язык социального статуса. М., 1992.
- Ким И.Е. О текстах письменных обращений граждан к представителям власти: языковые аспекты интолерантности // Культурные практики интолерантности в речевой коммуникации. Екатеринбург, 2004. С. 482–490.
- Ким И.Е. Социальные качества человека и их выражение в современном русском языке // Известия Урал. гос. ун-та. 2005. № 39. С. 163–175.
- Ким И.Е. Социальные субъекты: принципы номинации // Вестник Новгородского гос. ун-та. Сер. Филология. История. 2010. № 57. С. 47–51.
- Коул М., Скрибнер С. Культура и мышление: Психологический очерк / Пер. с англ. Под ред. и с пред. А.Р. Лурия. М., 1977.
- Крысин Л.П. Социальный компонент в семантике языковых единиц // Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка. М., 1988. С. 124–143.
- Крысин Л.П. Социальные ограничения в семантике и сочетаемости языковых единиц // Семиотика и информатика. М., 1989а. Вып. 28. С. 34–54.
- Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М., 1989б.
- Крысин Л.П. Социосемантика // Современный русский язык: Учеб. для филол. спец. высших учебных заведений. М., 1997. С. 270–285.
- Купина Н.А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург; Пермь, 1995.
- Лаптева О.А. К обсуждению теории русского литературного языка и моделированию его структуры // Облик слова. М., 1997. С. 155–169.
- Леви-Строс К. Первобытное мышление. М., 1994.
- Лотман Ю.М. Декабрист в повседневной жизни // В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. М., 1988. С. 158–205.
- Михальская А.К. Русский Сократ: Лекции по сравнительно-исторической риторике. М., 1996.
- Осетрова Е.В. Речевой имидж. Красноярск, 2004.
- Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2000.
- Ричардс А.А. Философия риторики // Теория метафоры. М., 1990. С. 44–68.
- Романенко А.П. Советская словесная культура: образ ратора / Под ред. проф. О.Б. Сиротининой. Саратов, 2000.
- Романенко А.П. Образ ратора в советской словесной культуре. М., 2003.
- Русская разговорная речь. М., 1973.
- Русская разговорная речь. Тексты. М., 1978.
- Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис / Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Е.Н. Ширяев. М., 1981.
- Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М., 1983.
- Русский язык и советское общество: социол.-лингвист. исслед. / Под ред. М.В. Панова. М., 1968. Т. 1–4.
- Селищев А. Язык революционной эпохи: Из наблюдений над русским языком (1917–1926). М., 1928.
- Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.

- Шмелева Т.В. Семантический синтаксис: Текст лекций из курса «Современный русский язык». Красноярск, 1988.
- Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург, 2001.
- Чудинов А.П. Политическая лингвистика. М., 2007.
- Чудинов А.П. Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2003.
- Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2. С. 129–137.
- Юнг К.Г. Тэвистокские лекции. Исследование процесса индивидуации. М., 1998.